ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ОСТАФЬЕВСКИЙ АРХИВ. ТОМ 5. ЧАСТЬ 1

Петр Вяземский

Остафьевский архив. Том 5. Часть 1

«Public Domain»

1825

Вяземский П. А.

Остафьевский архив. Том 5. Часть 1 / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1825

«Предпринятое в 1899 году издание «Остафьевский Архив Князей Вяземских» ныне предположено продолжать путем небольших – снабженных указателем и примечаниями – выпусков, которые будут выходить по возможности ежегодно. При этом имеется в виду в каждом выпуске издавать более или менее крупную часть какого-нибудь однородного материала и, сверх того, отдельные письма и документы разного времени…»

© Вяземский П. А., 1825
© Public Domain, 1825

Содержание

От редактора 6
1811. 10
1. 10
1819. 11
2. 11
3. 12
4. 13
5. 14
1824 15
6. 15
7. 16
8. 17
9. 18
10. 19
11. 20
12. 21
13. 23
14. 25
15. 27
16. 28
17. 30
18. 32
19. 33
20. 34
21. 36
22. 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Петр Вяземский
Остафьевский архив. Том 5. Часть 1

Предпринятое в 1899 году издание «Остафьевский Архив Князей Вяземских» ныне предположено продолжать путем небольших – снабженных указателем и примечаниями – выпусков, которые будут выходить по возможности ежегодно. При этом имеется в виду в каждом выпуске издавать более или менее крупную часть какого-нибудь однородного материала и, сверх того, отдельные письма и документы разного времени.

Настоящая книжка составляет, таким образом, первый выпуск пятого тома названного издания и заключает в себе: 1) письмо князя Петра Андреевича Вяземского к своей невесте княжне Вере Федоровне Гагариной 1811 года и письма его к жене 1812, 1824 и 1825 гг.[1]; 2) два письма князя П. А. Вяземского к Д. Н. Блудову и 3) три письма к князю II, А, Вяземскому – К. Н. Батюшкова, М. Н. Загоскина и священника М. Г. Пиняева. Кроме того, в настоящей книжке помещены два портрета – князя П. А. Вяземского и княжны В. Ф. Гагариной.

Наблюдение за изданием принял на себя П. Н. Шеффер, как равно и составление примечаний к первому выпуску.

Граф Сергий Шереметев.
Графиня Екатерина Шереметева,
урожденная княжна Вяземская.

20 сентября 1908 г.
Михайловское.

[1] Обширная переписка кн. П. А. Вяземского с женою будет продолжаться печатанием и в последующих выпусках.

От редактора

Пользоваться для печати Остафьевским архивом начал еще князь Петр Андреевич Вяземский в 30-х годах прошлого столетия, и с тех пор в различных изданиях появилось уже не мало ценных материалов, извлеченных из этого архива[2]. Но Остафьевский архив не есть собрание случайно приобретенных коллекций, не имеющих между собою непосредственной связи, и интерес он представляет не потому только, что в нем хранятся *отдельные* любопытнейшие (и далеко еще не исчерпанные) материалы: заключая в себе главным образом переписку нескольких поколений семьи Вяземских, он представляет собой нечто *целое*, причем в значительнейшей и характернейшей части состав этого целого определился той ролью, какая принадлежала князю П. А. Вяземскому в современной ему литературной жизни, и теми дружескими связями, в каких находился он с самыми крупными представителями русской литературы концы XVIII – первой половины XIX века. Научно использован такой архив, конечно, может быть лишь путем систематического издания, в котором одни материалы должны быть перепечатаны целиком, другие – в извлечениях, третьи – подробно описаны. Подобное издание и было задумано еще князем Павлом Петровичем Вяземским[3]. Но прочное основание систематическому обнародованию Остафьевских материалов было положено в 1890 году, когда вышли в свет первые четыре тома предпринятого графом С. Д. Шереметевым издания: «Остафьевский Архив князей Вяземских», заключающие в себе напечатанную под редакциею В. И. Саитова обширную переписку кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Переписку эту В. И. Саитов обставляет примечаниями, для которых им использован огромный материал и которые нередко разростаются в самостоятельные биографии и целые разыскания но отдельным вопросам. Практика показала однако, что даже для В. И. Саитова, с его знаниями и его опытом, нужно было *девять* лет, чтобы издать *такие* примечания ко II-му и III-му томам «Переписки кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым»[4]. В виду этого пред издателями «Остафьевского Архива» неизбежно должен был возникнуть вопрос, следует ли примириться с тем, что обнародование Остафьевских материалов затягивается на очень продолжительное время, или же нужно несколько упростить комментарий к материалам, приблизив «Остафьевский Архив» к типу периодических изданий. Издатели считали более правильным принять последнее решение; редактор мог только всецело присоединиться к нему. Не с легким сердцем, конечно, новый редактор, приступая к продолжению издания, ставит себе задачи, более узкия, чем те, какими задавался редактор первых томов, но в данном случае поступить так было необходимо. Примечания В. И. Саитова выше того уровня, на котором находятся у нас историческая библиография, генеалогия, вообще детальная разработка новейшей русской истории, и составление комментария, даже лишь приближающагося к тому, какой дает В. И. Саитов, потребовало бы от нового редактора, только что приступившего к изучению Остафьевского архива, такой подготовительной работы, которая надолго отодвинула бы появление в свет дальнейших выпусков издания. Между тем, ознакомившись несколько с Остафьевским архивом, редактор не мог не вынести убеждения, что опубликовывать Остафьевские материалы было бы крайне желательно без особых замедлений в виду того значения, которое они имеют для изучения ноной русской литературы.

---

[2] Библиографический обзор материалов, извлеченных из Остафьевского архива и напечатанных в разных изданиях, будет помещен в одглм из следующих выпусков «Остафьевского Архива».

[3] См. предисловие гр. С. Д. Шереметева и гр. Е. П. Шереметевой в I томе «Остафьевского Архива князей Вяземских» (СПБ. 1895.

[4] Первый том этого издания вышел в свет с примечаниями в 1899 году; примечания ко ИИ-му тому появились отдельной книгой в 1901 году, к ИИИ-му в 1908 году; примечания к IV-му тому В. И. Сайтов надеется выпустить года через три.

Поэтому как в настоящем, так и в последующих выпусках на первое место будут выдвинуты собственно материалы, извлеченные из Остафьевского архива. Что же касается примечаний, то в тех случаях, когда в распоряжении редактора будут, данные, которые позволят давать пояснения к издаваемым текстам, эти данные будут использонаны, но от примечаний, которые потребуют специальных поисков, могущих замедлить выход в свет издания, редактор будет воздерживаться, не отказываясь, впрочем, от мысли пополнять примечания в дальнейших выпусках. В тех – очень многих – случаях, когда примечания В. И. Саитова к трем предшествующим томам «Остафьевского Архива» служат комментарием и к вновь издаваемым материалам, редактор будет ограничиваться простой ссылкой на эти примечания.

Следуя таким приемам, редактор вызовет упреки в скудости материала, которым он располагает для примечаний, но зато таким путем может быть ускорено появление в свет хранящихся в Остафьепском архиве материалов.

При составлении примечаний редактор пользовался советами и указаниями И. А. Бычкова, А. А. Богоявленского, В. В. Майкова, В. И. Саитова, Л. А. Саккети, А. А. Флоридова и А. А. Чебышева, которым и приносит искреннюю благодарность.

Примечания, обозначенные буквами В. С. и А. Ф., принадлежат И. И, Саитову и А. А. Флоридову.

Портрет князя Петра Андреевича Вяземского воспроизведен фототипиею, в уменьшенном виде, с писанного масляными красками портрета, который принадлежит в настоящее время внуку князя Петра Андреевича князю Петру Павловичу Вяземскому.

Портрет княжны Веры Федоровны Гагариной, впоследствии княгини Вяземской, воспроизведен фототипиею, в натуральную величину, с медальона, который имеет следующую историю.

До сватовства князя Петра Андреевича Вяземского, за княжну В. Ф. Гагарину посватался близкий знакомый её вотчима П. А. Кологривова, его ровесник Маслов. По настоянию вотчима, княжна – неохотно и со слезами, но дала согласие выйти замуж за Маслова, который был гораздо старше её. Тот же Кологривов, поссорившись с ним, расстроил этот брак и, как рассказывала сама Вера Федоровна, доставил ей этим большое огорчение, так как у неё установились уже с женихом хорошие отношения.

Смертельно раненый в Бородинской битве, Маслов вручил одному из братьев княгини Веры Федоровны, для передачи ей, письма её и упомянутый портрет, которые он носил на груди. Впоследствии княгиня Вера Федоровна подарила этот портрет, изображающий ее

в ранней молодости, своей внучке княжне Екатерине Павловне Вяземской, ныне графине Шереметевой, у которой он и хранится. *(Со слов графини Е. П. Шереметевой).*

ПИСЬМО КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО
к своей невесте (княжне В. Ф. Гагариной),
1811 года,
и
ПИСЬМА ЕГО К ЖЕНЕ,
1812, 1824 И 1825 гг.

1811.

1.
Князь П. А. Вяземский своей невесте княжне В. Ф. Гагариной.

[Август 1811 г. Мосина].

No m'attends pas pour le dîner, ma délicieuse amie, car il est déjà deux heures, et je viens seulement de me réveiller. Les enfants des K. sont ièi et m'annoneent la prompte arrivée de leur père et mère. Je m'arme de courage, je pense toi et je suis sûr, que tout ira bien. Ton nom m'inspirera dans les combats. Adieu, mon uti gulubusitska *(sic)*. A cinq heures au plus tard je suis à tes pieds. A propos! Comment vous portez-vous, princesse?

Далее приписано.

Dans le moment je viens de recevoir tou billet et bénis cent fois l'heureux moment, où je t'ai consacré mon coeur et mon existence, car tu es un ange de bonté. Ils viennent d'arriver, mon entrevue n'a pas encore eu lieu. Au revoir.

1819.

2.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

16 [-17] августа [1812 г. Москва].

Тоска смертельная. Хожу по комнатам, выхожу на улицу, возвращаюсь опять домой, не знаю, что делать, что начать без тебя, малая моя Вера. Одна минута радостная я была, когда я встретил Рихтера, который едет за вами, а теперь уж, может быть, и с вами: по крайней мере, для телесного здоровья будет тебе в дороге гений-хранитель!

Мы собрались было с Жуковским обедать в Певческом трактире, во встретили на улице Иванова, который повез нас обедать к себе. Ожидаю с нетерпением Четвертивского; надобно на что-нибудь решиться. Ничего нет мучительнее, как быть в бездействии. Того и смотри, что Жуковский отправится, и я совершенно пропаду. А ты, моя милая, также скучаешь, также тоскуешь?

17-го в 8 часов утра.

Я сей час проснулся и вместо того, чтобы поцаловать тебя, как делал, хочу, по крайней мере, беседовать с тобою, Жуковский отправляется сегодня с полком. Николай Михайлович переезжает к графу Ростопчину, а я, бедный, один не знаю, к чему пристать и что делать. Нет! без тебя жить не хорошо. Дай Кот нам скорее увидеться! Обнимаю тебя тысячу и тысячу раз. Прости, милый ангел мой. Поцалуй за меня Катерину Андреевну и детей и благодари ее всегда за себя и за меня, за все, что она будет для тебя делать. Прости! Душа и жизнь моя с тобою!

Нора письмо отослать на почту.

3.
Князь П. А. Вяземский своей жень.

[20-23 августа 1812 г. Москва].

Здравствуй, милый мой друг! Я надеюсь, что это письмо найдет тебя уже в Ярославле в добром здоровии и немного спокойнее. Как я обрадовался твоими двумя письмами и вместе с тем сколько плакал, читая их. Единственный мой друг, давай молиться Богу, чтобы Он скорее нас соединил: мы друг без друга счастливы не можем быть. Я чувствую твое отсутствие на каждой минуте. Что ни делаю, что ни думаю, везде, во всем чувствую, что тебя нет со мною. Сейчас получил я письмо от Милорадовича, который зовет меня к себе, и я этим письмом столько доволен, сколько могу быть в грустном моем положении. По крайней мере, тоска не будет меня есть, как до сех пор. Я буду в действии и, следственно, рассеян. Принимаю мысленно твое благословение. Оно будет меня хранить в опасностях. Молись обо мне Богу, и мы свидимся в радости и в здоровии. Прежде двух или трех дней не надеюсь выехать, а ты однако ж продолжай писать в Москву и адресуй письма к Николаю Михайловичу. Он переехал к графу Ростопчину. Жуковского уже нет давно со мною: он пошел в поход, и, вероятно, будем вместе, ибо все войска и армии и[з] Москвы все идут к Вязьме. Можно надеяться, что гроза скоро рассеется. Кутузов в армии, и все пойдет хорошо.

21 августа.

Я сейчас получил твое письмо с двумя образами и повесил их на шею, как ты мне велела. Я их не сниму, милый мой друг, ты можешь быть в том уверена. Повторяю тебе мою просьбу писать ко мне чаще, а ты не забывай, что я из Москвы уезжаю и что, следственно, ты, может быть, писем от меня на каждой почте и не будешь получать.

Молчание мое тебя не должно беспокоить, ибо если я занемогу, то армия так близка, что тот час перешлют меня в Москву, как и многих уже переслали. Притом же дурные известия всегда скоро доходят. Итак, заклинаю тебя, милая моя Вера, как можно более покоряться рассудку и не предаваться всем страхам, которые будет рождать в тебе воображение и нежная твоя ко мне любовь. Молись Богу обо мне, я об тебе, и все пойдет хорошо. Посылаю тебе письмо от Прасковьи Юрьевны и советую тебе отвечать ей но первой почте, что ты получила её письмо уже в Ярославле, и что если я тебя туда, а не к ним отправил, так это от того, что в этом городе можно найти более помощи в родах, чем в другом. Обнимаю тебя нежно и в поцалуе моем передаю тебе душу мою. Катерине Андреевне и детям мой поклон.

23 августа.

Я получил твое письмо из Ярославля, милая, добрая моя Вера, и радуюсь, что ты ни в чем не нуждаешься. Дай Бог, чтоб до свидания нашего ты была бы здорова, счастливо родила и порадовала меня к приезду моему таким же милым ребенком, как и ты мила. Я его очень буду любить. В ночь хочу отправиться. Прости, мой неоцененный, божественный друг. Пиши ко мне чаще, а от меня, как я уже тебе и сказывал, жди, когда Бог велит. Я написал в Тверскую и Костромскую деревню, чтобы писали в тебе из деревень, а ответы препоручай писать Егору и в случаях важных советуйся с Катериной Андреевной; да еще я тебе пришлю доверенность от моего имени для заключения условий по фабрикам, займы *(sic)* денег и проч. Обнимаю тебя от всей души, милая моя, обожаемая Вера.

4.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

[24 августа 1812 г. Москва].

Я сейчас еду, моя милая. Ты, Бог и честь будут спутниками моими. Обязанности военного человека не заглушат во мне обязанностей муя;а твоего и отца ребенка нашего. Я никогда не отстану, но и не буду кидаться. Ты небом избрана для счастья моего, и захочу ли я сделать тебя на век несчастливою? Я буду уметь соглашать долг сына отечества с долгом моим и в рассуждении тебя. Мы увидимся, я в этом уверен. Молись обо мне Богу. Он твои молитвы услышит, я во всем на Него полагаюсь. Прости, дражайшая моя Вера. Прости, милый мой друг. Все вокруг меня напоминает тебя. Я пишу к тебе из спальни, в которой столько раз прижимал я тебя в свои объятия, а теперь покидаю ее один. Нет! мы после никогда уже не расстанемся. Мы созданы друг для друга, мы должны вместе жить, вместе умереть. Прости, мой друг. Мне так же тяжело расставаться с тобою теперь, как будто бы ты была со мною. Здесь в доме, кажется, я все еще с тобою: ты здесь жила; но – нет, ты и там, и везде со много неразлучна. Ты в душе моей, ты в жизни моей. Я без тебя не мог бы жить. Прости! Да будет с нами Бог!

5.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

[30 августа 1812 г., Москва].

Я в Москве, милая моя Вера. Был в страшном деле и, слава Богу, жив и не ранен, но однакоже не совершенно здоров, а потому и приехал немного поотдохнуть. Благодарю тебя тысячу раз за письма, которые одни служат мне утешением в горести моей и занятием осиротелого сердца. Кроме тебя ничто меня не занимает, и самые воинские рассеяния не дотрогиваготся до души моей. Она мертва: ты, присутствие твое, вот – её жизнь; все другое чуждо ей. Князь Федор весьма легко ранен в руку и едет также в Москву с князем Багратионом, который получил довольно важную рану в ногу. Он велел тебя нежно обнять. Дело было у нас славное, и французы крепко побиты, – но однакож армия наша ретировалась. Прошу покорно понять. Делать нечего; есть судьба, она всем управляет, нам остается только плясать по её дудке. Прости, любезнейший друг моего сердца. Будь здорова и уповай на Бога. Катерину Андреевну и детей обними за меня, а себя за меня же поцалуй крепко в зеркале. Агриппине мой душевный поклон. Я ее всегда любил, а за ласки, которые она тебе оказывает, люблю вдвое. Скажи ей это от меня. Бедный Петр Валуев убит. Пропасть знакомцев изранено и убито. Ты меня сохранила. Прости, ангел мой хранитель.

Москва. 30 августа.

1824

6.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 2-й. 28 мая. Середа [1824 г. Москва].

Я писал к тебе вчера большое письмо с почтою, которое Рушковский обещал доставить киевскому почт-директору. На всякий случай пишу тебе и сегодня с Пет. Льв. Давыдовым. Дети здоровы, кроме Петруши, который все в одном положении. Сегодня еду к ним до субботы. Покупка деревни нашей утверждена Государем. Здесь еще не получено о том известие в Коммиссии, но не может замедлиться. Вчера виделся я с Софиею в опере, в дебюте Каталани, которая в роле Аменаиды вообще очень понравилась. Погода все скверная; дожди немного унялись, но все воздух холодный и небо пасмурное. Черт бы их побрал! Мне тошно, грустно и скучно. Ты и смерть Бейрона не выходят у меня из головы и из сердца. Прости. Обнимаю и благословляю вас трех от глубины сердца. Не забывай писать Карамз. и матери своей. А лучше всего пересылай ко мне письма, а то, пожалуй, и ли раза не напишешь. Цалую тебя.

7.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

[№ 3]. Москва. Воскресение 1-го [июня 1824 г.]. Два часа утра.

Сегодня ездил я из Остафьева с Машенькою, Пашенькою и M-lle Goré обедать к Четвертинским и от них отправился в Москву, а дети еще остались там на один час. Дети здоровы, кроме Петруши и Павлуши, которые немного кашляют. На днях девицы Окуловы были в деревне, утром заходили к нам; мы пошли с Павлушею их провожать; он остался у них обедать и возвратился к нам в красной гусарской курточке, служившей, вероятно, Модесту, и морил нас всех со смеху своею важностью и каким-то молодечеством. Сегодня, приехав в Москву, сделал я, что мне должно было сделать.

J'ai fait ce que je devais faire!

Понимается, что провел вечер у Нарышкиной, куда был приглашен. Но к несчастью вчера был у них бал, а сегодня просто дружеский вечер, который мне совсем не удружил. Не было даже ни Юсупова, ни Левушки Давыдова! Сейчас ложусь спать в коляску и еду к Дмитрию Давыдову, у коего проведу воскресение и понедельник; во вторник хочется возвратиться, а в четверг обедать в Остафьеве. Я получил письмо твое из Тулы. Худо, что едешь тихо, но хорошо, что едешь без беды. Дай Бог и вперед! У меня сердце не на месте будет, пока не напишешь мне из Одессы, а еще лучше, – пока не возвратишься к нам здоровая с здоровыми детьми. Обнимаю, цалую и благословляю вас, моих милых! А тебя особенно нежно и нежно цалую.

8.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 4-й. 6-го [июня 1824 г.].

Пятница 5 часов утра!

Стало быть, что это Нарышкиной [Москва].

Я в середу возвратился от Давыдовых и хотел ехать в Остафьево в четверг, но в коляске что-то испортилось, и я принужден был послать за бричкою в деревню и отправлюсь только сегодня, но прежде лягу на несколько часов спать. От детей имею хорошие, или довольно хорошие вести, потому что говорят мне о легком кашле Пашеньки и Павлуши. Да и не удивительно с этою погодою! до сей поры все дожди и холодные ветры. Кажется, сегодня день будет хороший. Спасибо за письмо из Орла. Где же твой ограбленный немец? Я его не вижу. Опять встретилось препятствие в выдаче денег из Опекунского Совета твоим братьям, и потому я без денег. Но зато получил известие из Петербурга, что по моему делу все готово и, вероятно, на днях пришлется сюда решение. Тогда тот час пришлю тебе деньги. Вчера, ехав от Давыдовых, виделся я на минуточку в Всесвятском с Лодомирскими. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю тебя и детей от всего сердца. Кланяйся Пушкину и заставь его тотчас писать на смерть Байрона, а то и денег не пришлю. Да что же не отвечает он мне о напечатании своих поим? да Кюхельбекера не забудь! – Деньги Кривцовой оставил и себе на орехи. Цалую тебя нежно.

9.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 5-й. Осгафьино. 8-го июня [1824 г.].

У нас, слава Богу, все довольно хорошо. Кашель проходит у Пашеньки и Павлуши. Вчера отняли от груди Петрушу, тем более, что кормилица или капризничала, или в самом деле была не очень здорова. Первую ночь перенес он хорошо. А у нас все еще погоды нет, хотя воздух и потеплее. Досадно и скучно, тем более, что заниматься меня не забирает, и мне хотелось бы целый день слоняться по солнцу. Я получил письмо из Коммиссии; в нем уведомляют меня, что решение доставлено, и на днях будут совершать купчую. Дни через два поеду в город. Мне как-то тошно и за его дело приниматься от мысли, что все еще останется долг на нас. Конечно, мы выдем из бездны, но все еще не будем на чистом месте. Тебя, по крайней мере, найдет ли это письмо на месте. Одно меня утешает, что если поездка и не будет иметь действительного влияния на здоровие детей, которые *с* тобою, то все хорошо, что им можно было спастись от вашей осени, ибо точно лета нет, да, кажется, и не будет его нынешним летом. Сделай одолжение, когда увидишься с ним, напомни ему об нас. Говорят, что Кутайсова решительно помолвлена за Голицына и что он у них в деревне. Разумеется, я к ним не поеду. Все беды собралися на меня по отъезде твоем: смерть Бейрона, свадьба Кутайсовой, дождь и ветер, расчеты по кухне etc, etc. Не знаю, как я все это вынесу, но знаю, что это все несносно. А, ты, счастливица, гуляешь, и тебе горя нет!

Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас, мою троицу, это всей души. Машенька хорошо учится и хорошо себя ведет. Пашенька иногда бурлит по своему, но вообще все идет порядочно. Дети тебя цалуют, а девица Горе, или девица-горе, тебе кланяется, то-есть горе – лицом, а, впрочем, повидимому, очень хороших свойств. Мы ожидаем к обеду Четвертинскую с детьми, а князь поехал в город. Кланяйся Пушкину. Не забудь написать в матушке и Карамзиным.

Приписка княгини Надежды Федоровны Четвертинской.

Je suis établie dans le cabinet de votre mari et prends sa plume pour vous donner de nos nouvelles et vous dire, combien j'attends impatiemment des vôtres. Votre mari m'a dit, que vous voyagiez lentement, mais au moins Dieu veuille, que cela soit bien heureusement pour vous et vos chers enfants, que j'embrasse de tout mon coeur. Je vous suppose arrivée à Odessa; de grâce écrivez nous bien vite. Mademoiselle Goré m'a dit, qu'elle était bien contente de vos enfants et particulièrement de Marie quant à sa docilité et son application à ses études. C'est réellement très joli de sa part. Paul vient d'entrer dans le cabinet, où je vous écris, avec un uniforme de hussard; il est tout à fait comique et m'a bien fait rire. Ils se portent tous assez bien.

Adieu, chère et bonne amie. Je vous embrasse et vous aime de tout mon coeur, mon mari vous baise les mains, tous mes enfants aussi.

Nadinlta est ièi avec moi, charmée de voir ses cousines.

Adieu encore une fois, écrivez moi et pensez à une soeur, qui vous aime pour la vie de toute son âme

votre toute dévouée soeur et amie

Négeon Czetvertinska.

На обороте 2-ю листа: её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской. В Одессе. – В доме г-жи Давыдовой.

10.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 6-й. Остафьево. 11-го [июня 1624 г.].

После письма из Орла от 28-го я не имею вестей от тебя. Принуждаю себя приписывать недостаток в письмах твоих неисправности почт, а все иногда беспокоюсь. Кажется, теперь уже должна ты быть в Одессе. У нас все идет порядочно. Сегодня первый светлый и теплый день, хотя и с сильным ветром, который того и смотри, что опять нагонит дождь. Дети на всякий случай нагулялись утром. Я получил сегодня письмо из Варшавы от Нессельроде: ничего нет примечательного. Завтра или после завтра поеду в город наведаться о заключении купчей. Мне что-то так неохотно приниматься за это дело! Брошу я все да убегу куда-нибудь. Вчера просыпаюсь я, гляжу на часы – половина первого, то-есть после полдня. Зато уже воспользовался твоим отсутствием и обедал в половине шестого – с позволения однакоже детей и M-lle Goré. Петруша хорошо выносит развод свой с кормилицею. Дети тебя цалуют. Все у них идет порядочно. Обнимаю и благословляю вас всех от всей души.

[11 июни 1824 г. Москва].

Я сейчас отдал 6.000 рублей в Коммерческий банк, которые отправятся к тебе в понедельник, то-есть 14-го числа, и, стало, может бить, будут у тебя еще до получения письма этого. Мое дело все еще не с концом, по я взял несколько тысяч рублей вперед для необходимейших уплат. Я рад, что с тобою расчитываюсь, а ты мне была мой самый тяжелый заимодавец. Отдай же Пушкину, что ему следует, то-есть 1880 рублей; кажется, – так. В письмах моих к нему должен быть расчет мой с ним. Если как-нибудь перед отъездом его понадобились бы ему деньги сверх того, то дай ему несколько сотен рублей, под залог его будущего бессмертия, то-есть новой поэмы. Только смотри, чтобы он эти деньги не употребил на шалости, на игру; на девки – можно! Вот тебе лорнетка. Такая ли? Пристлей уверяет, что взятая Васильчиковым одинакова. Вот тебе M-me d'Angeville, M-eurs Auguste et Waldowski! Похлопочи о ней, чтобы ей дали сыграть несколько раз. Она прелестная актриса: певица на французский лад, но поет с приятностию и говорит куплеты с большим умом. Я за нею не волочился; следовательно, можешь приласкать ее, не будучи в дурах. У Лодомирской вчера не крестили: ребенок цветет. Наши, слава Богу, здоровы. Сегодня еду к ним. Четвертинские также едут сегодня! Не могу писать далее, голова идет кругом, плачу Матьясу, Дмитрию Давыдову, Завтра собирается ко мне кое-кто, разве погода остановит. Сегодня опять потоп грянул с неба. Поздравляю тебя с завтрашним новорожденным. Обнимаю и благословляю вас, милых моих, от души. Дай Бог тебе дать мне хороших вестей, а мне – тебе. Цалую тебя тысячу раз. Из деревни по почте буду писать более, а теперь не взыщи за краткость.

Москва. 11-го июня.

Я вчера писал тебе по почте.

11.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

№ 7. Москва 16-го [июня 1824 г.].

Я приехал в Москву по вызову Лушникова. Сегодня начинают писать купчую и, кажется, на неделе все кончится. То-то будет для меня тяжкое время, как прорвется плотина и перельется через меня около полумиллиона рублей, или перебегут через меня 1200 людей! Страшно и больно подумать, кроме скуки и хлопот считать, пересчитывать, записывать, расписываться! А ты, счастливица, ты купаешься теперь в море, а мы здесь только что мокнем на дожде! Погода все еще не устанавливается: час солнышка в неделю, а тал все дождь, да дождь! Наша дорога невообразимая, и уже зато досталось *ту,* когда я ехал сюда из Остафьева, Наконец получил я письмо твое из Киева от 1-го июня. Как я рад, что вы дотащились туда благополучно! Я все надеюсь, что там пошло уже лучше. Удивляюсь, как ты писем моих не получила, я несколько их надписал в Киев в дом Раевского, или Орлова. Вели справиться, но, вероятно, ты уже их теперь получила. Дети здоровы, и все идет порядочно. Мамзель Горе очень довольна Машенькою; Пашенька все еще бурлит иногда и лениво учится. Кажется, Мамзель Горе не довольно строго принялась с начала, а теперь ей уже и трудно справиться с нею, тем более, что она и в самых шалостях своих и упрямствах, часто смешна и обезоруживает, рассмеша. Однакоже, она ее несколько раз наказывала, и перед отъездом моим было лучше. Как я высек Павлушу на днях голою рукою по голой и…! так что, и рука и и… равно разгорелись! Он кусал или исцарапал Машеньку и замахнулся на мамзель Горе, которая брала его за ухо. Зато наставление мое будет ему памятно, и с тех пор он присмирел. Погода никак не позволяет мне сделать из него себе верного товарища, а там в бабьей беседе он очень балуется, потому что все его балуют. В Москве ничего нет замечательного, кроме свадеб. Обнимаю и благословляю вас всех от души. С нетерпением ожидаю вестей твоих из Одессы, как купаетесь и как дети выносят эти купания. Нежно тебя цалую. Кланяюсь Пушкину и ожидаю его надгробной песни Бейрону.

На обороте,2-го листа.

её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземский. В Одессе, в доме Г-жи Давыдовой.

Faites moi l'amitié, mon cher Boulgakoff, d'expédier cette lettre et ajoutez y quelques lignes pour ma femme.

Donnez lui des nouvelles de Moscou, mais de grâce soyez discret ü mou égard et n'éveillez pas sa jalousie eu lui parlant do…. Quelle absence d'esprit! J'allais la nommer! Motus!

Там же рукою А. Я. Ермакова:

Soit! J'euvoye la lettre,– Pour écrire je n'écrirai pas à votre femme, les temps sont changés. Il est question de bien… *(вырвано)* [autre chose, et le comte Miehel W. sait., *(закрыто печатью)* de quoi! L'Europe vexta, saura, lira!.. *(закрыто печатью)* me plaindra, me justifiera, m'absoudra. Quant au soyez diseret, que peut on dire d'uu mari exemplaire, comme vous et moi par exemple. Булгаков у ног, да не у ваших! Tout l'essaim a déserté, et de tous….. vos adorateurs il ne….. vous en est resté de fidèles que les princes M. D. A. O. P. les comtes B..T.. R.. L, E. et puis messieurs R. S. A. L. B. (pas moi). M. W. O. T. D. S. N. T…. P. Z… St. E… D. L… K. D.. B. (pas moi). K… L…. N.. I… K… B. (mais pas moi). S. K. T. L. O. C. E. G. D. L… A. et F. et encore chancellent etc.

12.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. № 8. 21-го [-22-го] июня [1824 г.].

Как я рад письму твоему из Одессы! Теперь с новым нетерпением ожидаю известия о начатии лечения. Надеюсь, что вы найдете хорошего доктора, хотя лучший и уехал. Здесь у нас все идет изрядно, кроме плохого здоровья M-lle Goré. Кажется, ей очень хочется и очень нужно возвратиться во Францию. Но возвращении своем из города нашел я ее очень упадшую духом, хотя и по словам её, и по распросам моим у Елены, и но разговорам M-lle Goré с Четвертинскою, не приписываю того каким-нибудь неприятностям, а просто расстройству нервов. Советую ей съездить в Москву, повидаться с Скюдери, но беда в том, что она и в нем мало доверенности имеет, а болезнь её более мнительная, нежели существенная. Вероятно, и пакостное лето наше много вредит ей. Дело продажи делается; пишут бумаги, купчую и проч. и проч. Надеюсь, что дней через 8 все будет кончено. Тогда только увижу, что нам остается делать: ехать ли к тебе, или нет, или третие, или четвертое, а теперь ничего сказать не могу! Я получил очень милые письма от Карамзиных. Вот, что она пишет о тебе: «Quand vous écrirez à votre femme, parlez lui de nous et engagez lu dans des moments de désoeuvrement à nous donner des détails sur son existence et même sur le pays qu'elle habite». Ниши им просто в Царское Село, Я посылаю им твое письмо, хотя ты и пишешь в нем «Louis n'est plus à Varsovie», т. е. à Odessa, «au moins c'est ainsi, que je l'entends», но, кто этот *Louis,* я и сам не знаю, Также и того не понимаю, что ты пишешь мне из Одессы о Болконском; а из Киева писала, – что он поехал на Кавказ. Да остепенись же хоть раз! Если у тебя к[нязь] Сергей, то у меня в Москве князь Никита; да он что-то болен духом и телом. Я вчера приехал верхом из Москвы, но удачнее, нежели прошлым летом. Погода была сносная, и я сегодня совсем не устал. Я слышал, что и князь Петр Мих[айлович] Волконский принужден был ехать верхом в Суханово. Денис Давидов, говоря с ним о дорогах, сказал ему: теперь вы видите Россию к наготе её, а го все видели ее нарумяненную и в нарядах. Я получил из Парнаса от Волкова, коменданта, бюджет расходов, необходимо потребных нам в Париже. По его рассчсту страшно: около 60.000 рублей! Но Денре обещался мае выписать другой счет и найти человека, который взялся бы за определенную сумму *содержать* нас и дом наш, не считая разумеется *того,* что я мог бы взять на *содержание!* А ты в Одессе рассчитывай до копейки, что можно там прожить. Пушкин, я чаю, сердится, что не присылаю ему денег. Пускай он мне пришлет скорее стихи на смерть Бейрона; я и сам хочу прозою написать о том же. Вместе напечатаем! *Писала ли ты к Прасковье Юрьевна????? Писала ли ты??* Павлуша, когда бывает в гусарской курточке, приседает, думая, что это приличнее. Сегодня он ездил на дрожках с мамзель Горе и плакал, приехавши домой, говоря, что хочет ехать с нею во Францию. Наши девицы все спрашивают у меня, когда ты будешь им отвечать на их письма, и никак не понимают, что я еще не имею ответа твоего на эти письма. Ты довольно глупа, чтобы не понять, о каких *девицах* говорю. О мамзель Каролине, Елене? Не так ли?

Вот, что Машенька написала сегодня в альбум Пашеньке: «Oh, que je suis transportée d'écrire dans l'album de ma soeur tendre (это à la d'Arlmeourt), que je connais depuis l'enfance!» А Пашенька говорит, что она этот альбом не отдаст за 250 тысяч рублей, потому что Машенька ее назвала за tendre soeur.

22-го. Здравствуй еще раз и прощай. M-lle Gorй все нездорова, и я советую ей ехать в Москву повидаться с Скюдери. Кажется, дня на два она поедет. Какие у нас все неудачи с наставницами! Я не предвижу, чтобы она могла остаться, ибо воображение в ней слишком поражено боязнию климата и желанием возвратиться во Францию. Все это меня очень расстроивает. Вот и лучше было бы мне ехать в Одессу, а тебе здесь оставаться. Напиши M-

lle Goré; твое письмо будет ей, верно, приятно. Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Вот уж 15 дней, что ты в Одессе. Уж может быть перемена к лучшему в здоровии твоих больных. Нетерпеливо ожидаю вестей ваших. Цалую тебя нежно.

13.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

Москва. № 9, 26-го [июня 1821 г.].

M-lle Goré в Москве и нас оставила. Дети пока у Четвертинских, т.-е. трое, а Петруша в Остафьеве; слава Богу, – здоровы. Скюдери решил M-lle Goré ехать тотчас во Францию; и в самом деле в том положении, в котором она теперь, то вредила бы себе, а детям не было бы никакой пользы, оставаясь у нас. Она сегодня переезжает к M-me Joly.

Я взял Гейнемана, который будет ездить к нам в понедельник, а возвращаться в Москву в субботу, за 125 рублей в месяц. По крайней мере дети будут заниматься хоть немного. Вот тебе раз! Ожидали ли мы этих хлопот? То ли дело было, если бы ты всех детей взяла с собою; я через месяц приехал бы к тебе, и мы благополучно могли бы провести зиму в Одессе. Теперь не знаю, что еще придумать вперед? на что решимся? Мое дело все еще тянется, то-есть писание бумаг и глупые наши формы, и прежде будущей недели конца не предвижу. Там еще пойдет платеж, расчеты etc. etc. etc. Ожидаю с нетерпением вестей от тебя, чтобы знать, помогают ли воды нашим милым больным, довольна ли ты доктором, домом, житьем-бытьем и проч.?? Нынешний раз я, кажется, даром прожду твоих писем, потому что, как Булгаков мне сказывал, перемешали почтовые чемоданы: петербургский пришел сюда, а московский в Петербург. После завтра поеду за детьми к Четвертинским. Петров день провожу в Остафьеве. Если пришлось бы мне по делам приехать в Москву на неделю или более, то детей возьму с собою. Бедным Четвертинским будет горе! Бы, верно, уже знаете, что дочь Марии Антоновны умерла. Вчера обедал я в Всесвятском у Лодомирских. Она все еще с брюхом. Древновский опять умирает в Москве.

Прости, моя милая. Я немного опоздал и не могу долее писать. Обнимаю и благословляю вас, мою троицу, от души. Дай Бог увидеться нам в радости и не иметь новых хлопот. Я получил твое письмо с крестами, кольцами и все роздал, как следует. Ты говоришь, что Орлова тебе дала *un créditif*. Выть не может, и ты на нее лжешь. Разве дала тебе она *une eréditive*; вот это – другое! Ты видишь, как мне ни грустно и ни жутко, а все не забываю исправить тебя. Цалую нежно. Пушкину кланяюсь.

На обороте 1-го листа и на 2-м листе рукою А. С. Пушкина написано карандашом[5].

Французы ничуть не ниже Англичан в Истории – Если первенство чего нибудь да стоит то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге – и внес светильник философии в темные Архивы Истории. Робертсон сказал что если бы Вольтер потрудился указать на Источники своих сказаний то бы он, Робертсон, никогда не написал своей Истории

2-е Лемонте есть Гений 19-го столетия – прочти его Обозрение Царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С-т Этьен – дрянь.

5 июля 1824.

Одесса.

Век романтизма не настал еще для Франции – Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля – Он ученик Трагика Вольтера, а не природы

tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature franèaise

[5] Приписка эта печатается с соблюдением орфографиа и пунктуации подлинника.

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте – вообще хорош какой то новой Гармонией

Никто более меня не любит прелестного André Chenie – Но он из Классиков Классик – от него так и песет древней Греческой поэзией.

Вспомни мое слово: первый Гений в Отечестве Расина и Буало – ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный Карбонаризм – что что твои немцы – А покамест поэзии во Франции менее чем у нас

На обороте второго листа.

её Сиятельству Княгине Вере Федоровне Вяземской, в Одессе. – В доме Г-жи Давыдовой.

14.
Князь П. А. Вяземский сваей жене.

Остафьево. 29-го июня [1824 г.]. № 10.

Здравствуй, моя милая! Поздравляю тебя с тремя именинниками! Мы все здоровы! Вчера привез я детей от Четвертинского. Ты уже знаешь, что M-lle Goré нас оставила. Гейнемана ожидаю завтра. Я уже давно без твоего письма; но успокоиваюс тем, что слышал от Булгакова о перемешании чемоданов так, что петербургские письма присланы в Москву, а московские посланы в Петербург. Мне так хочется узнать, что решили вы для лечения детей, как выносите вы купания, есть ли уже приметная польза? Я надеюсь, что на этой неделе получу деньги, и всячески постараюсь выслать тебе в четверг, т.-е. 2-го июля, денег, а если к четвергу деньги мне еще выданы не будут, то по следующей почте в понедельник. Я привез вчера Четвертинским печальное известие о смерти Софии Нарышкиной; оно их очень огорчило, а в особенности же княгиню; она советует мужу съездить в Петербург к сестре; не знаю еще, на что решатся. Я в Москве обедал у канцлера; он велел тебе кланяться; глух по старому; едет в Нижний на ярмонку. Je désirerai, qu'il me prit pour un vaisseau et qu'il m'équipe – нужно ли тут *t* на конце? Я видел Бобринскую и Гагарину, которые очень о тебе расспрашивали. Мы были в Петровском у Алек[сея] Мих[айловича] Пушкина, который расшибся и дал прекрасный gоыtй для помолвленных Горчаковой и Бобринского. Письмо будет доставлено тебе par M-r Catalani, *которого*[6] я нарочно просил заехать в Остафьево, чтобы дать тебе личные вести об нас; но, проклятый, приехал в шесть часов утра; меня разбудил, это – ничего! но беда в том, что дети спят, и не знаю, проснутся ли к отъезду его, потому что он очень спешит. Сегодняшний день проведем очень смиренно, хотя круглые качели и навешены на той стороне; но, право, мне что-то не до веселий. Хотели быть ко мне Четвертинские, – но, может быть, за горем своим не приедут, – а из Москвы Тимирязев и, может быть, Дмитрий Давыдов. Ты, пожалуй, гордиться будешь тем, что друзья мои только при тебе мне друзья. Я думаю, у нас в соседстве, в Суханове, будет пир горой; по мне и туда совсем не заманчиво. Никита Волконский хотел от них приехать сегодня вечером или завтра так же, как и le général d'Eugène d'Olenin, который на несколько дней в объятиях супруги; но у них нет никакой мадамы, ни мамзели при дочери, и потому я соседством пользоваться не намерен. Между тем, запасись однакоже великодушием, потому что на днях получишь от меня письмо из рук актрисы M-me d'Angeville-Vanderberg: она едет в Одессу играть комедию, т.-е. оперу и водевиль. В Москве она очень понравилась, в ней много игры. Мы никак не могли выхлопотать ей позволение дать еще несколько представлений.

Прости, моя милая! Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дай Бог увидеться нам в радости, а когда и где, – Он и знает! А я еще ничего не знаю! Кланяйся Пушкину! Что же не пишет он ко мне? Составь же таблицу того, что должно проживать ежегодно в Одессе.

Цалую тебя нежно и перенежно.

Приписка княжны Марии Петровны Вяземской.

Ma chère et bonne maman.

Mademoiselle Goré est partie pour la France. Cela nous a fait beaucoup de peine. Je vous félicite avec le jour de nom de papa et de mes deux frères. Adieu, ma chère maman, je vous baise les mains. J'embrasse Nicolas et Nadinka.

Marie.

Приписка княжны Прасковьи Петровны Вяземской.

---

[6] *Окончание этою слова подправлено, и к нему сделана следующая выноска:* Я подправил конец, чтобы ты не подумала *которую* и от ревности по стала бы дочитывать письма. Ты видишь ли, как и всегда берегу твою ревность?

Ma chère maman.

Je vous embrasse et remercie Nicolas pour les bagues. Je vous baise les mains. Adieu, ma chère maman.

Pauline.

Продолжение письма князя П. А. Вяземского.

По счастью мне удалось усыпить своего циклона, а дети между тем проснулись здоровы и веселы. Павлуша переведен в другой гусарский полк, Четвертинские дали ему другой мундир с эполетами. Умора смотреть на него. Сбираемся к обедне. Далую тебя еще несколько раз.

15.
Князь П. А Вяземский своей жене.

Остафьево. 1-го июля [1824 г.]. № 11-й.

Сейчас получил я, моя милая, два письма от тебя, от 13-го и от 20-го. Хорошо, что у вас изрядно идет, хотя и не совсем хорошо; также и у нас, то-есть в нравственном отношении, а в физическом, слава Богу, все в порядке. Мы все здоровы! Но отсутствие M-lle Goré и неимение, кем заменить ее, очень меня расстроивает. Впрочем, Геиинеман со вчерашнего дня у нас, и уроки, как мне кажется, пойдут довольно порядочно. С ним одно утро понедельника будет потеряно, ибо в субботу поедет он после второго завтрака, т. е. во втором часу, а возвратится в понедельник после обеда. Но я предвижу большой недостаток в присмотре за детьми; признаюсь с этой стороны я и M-lle Goré не был совершению доволен; дети, а особливо же Машенька, мало ее уважали; а теперь и Hélène и M-lle Caroline они и в грош не ставят. Этому помочь нельзя: уважать нельзя заставить, если сам не умеешь себя заставить уважать. M-lle Caroline слишком добра, то-есть тиха, с детьми. Дай Бог только им здоровие, а впрочем все остальное может исправиться. Мое дело с Спасом опять на несколько дней отсрочено и все за глупыми формами нашего судопроизводства. Меня это пуще тревожит оттого, что я тебя оставляю без денег. Л что до меня касается, то, право, все равно! Я еще рад, что дело тянется, – ты знаешь, как я не люблю приступать к решительным мерам. Все-таки лучше, как можно говорить: сегодня да завтра! Не понимаю, как ты не получаешь моих писем. Вот 11-е письмо, что пишу к тебе, а ты не с большим месяц, как поехала. Из числа 11-ти только два с отъезжающими: с Петр[ом] Львов[ичем] Давыдовым и с Каталано, а другие 9-ть через Рушковского или Булгакова, который отсылает их с экстра- почтою. Кажется, письма мои не довольно занимательны, чтобы ходить по рукам прежде, нежели дойти до твоих рук. Je me tiens à quatre pour être d'une bêtise à toute épreuve, et il me paraît, que j'y réussis. Сегодня ездил я к Четвертинским: они черезвычайно огорчены смертью Софии Нарышкиной, и все эти дни князь был болен, так что и не были у меня в Петров день. Был один Тимирязев, который тебе кланяется, а к вечеру подъехал Оленин, которого мы тотчас напоили, и стало нельзя сказать, чтобы праздник был не в праздник. София родила дочь благополучно; я еще не видал се после родин. Наконец Древновский решительно умер вчера. Прости, моя милая. Мне надобно еще много писать к Карамзиным, к князю Федору по делам его, теперь же около полуночи, а нужно в Москву отправить к утру нужные бумаги к Спасу. Дети велели тебя и твоих расцаловать. Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дай Бог увидеться нам в радости!

Кланяйся Пушкину и скажи, что получил письмо его, кажется, от 14-го. Буду отвечать ему после. Скажи ему, чтобы он не дурачился, то-есть не умничал, ибо в уме, или от ума у нас и бывают все глупости. Пускай перенимает он у меня! Я глупею à vue d'oeil.

16.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

Остафьево. 6 июля. [1824 г.]. № 12,

Здравствуй, моя милая и мои милые! Я получил твое письмо от 23-го июня и письмо от Волконского из Николаева с присылкою 8 аршин ситца, материи на панталоны, ножичка и табаку турецкого. Ты мне о ситце в своих письмах ничего не говоришь, но я наугад велел из них шить платья детям к 12-му. Так ли? Хорошо ли я сделал? Ты мне говоришь о булавке: её нет, и Волконский о ней ничего не говорит. О шляпе пишет он, что не мог он ее отправить: досадно; а у меня более всего к шляпе губы и льнули. Узнай, где она, да постарайся мне ее выслать. Ты еще писала о 2 тростях; и их нет. У нас, слава Богу, все идет довольно хорошо. Дети менее запинаются, чем прежде, но что же делать? Впрочем, я Гейнеманом пока очень доволен; он прилежно их учит утро до второго завтрака, т.-е., от 9 часов до часа, и ходит с ними гулять. Дети большие его любят, и Павлуша даже говорил вчера: Бог дал нам Гейнемана! И какой еще дождь дал Он нам третьего дня! Я того и смотрел, что придут мне заказывать ковчег, как другому Ною, да и не без причины, потому что si le premier a planté la vigne, moi je la cultive. Это сообщи и Пушкину! Чуть удержали мы плотину. Зато сегодня такая жара, что верно не уступить одесской. И хорошо, что воскресение. Дети после обедни тотчас отправились в лес. Я не очень понимаю твои планы: то пишешь ты мне, что есть у тебя загородные комнаты, то – нет. Волконский пишет во мне уже из Николаева от 16-ее, стало, уже с дороги на Кавказ. Зачем же ты не тотчас переехала к нему? Ты хорошо сделала, что взяла *жилет,* а *панталоны* имеешь у Грека. А в самом деле надобно тебе приняться за грамоту. Пора! Ты уж такие отпускаешь со мною выходки, что ужас! Ты пишешь мне que le chapeau *s'étire!!!!!!* sur la tête. Господи Иисусе Христе! Это что такое? Ты уж не слишком ли сблизилась с Евреиновым? Завтра еду в Москву и, кажется, завтра купчая совершится: дай Бог, чтобы я мог тебе прислать в четверг деньги! Если в Козловские Грязи нужды не будет ехать, то, кажется, к зиме лучше возвратиться тебе к нам; а там уже весною увидим, что делать. О службе пустое и думать: мне служить нельзя, и не пойду, как разве с тем, чтобы жить на казенный счет, то-есть иметь столько жалованья, чтобы не трогать своих доходов. Но мне жалованья такого не дадут, да и не за что; стало, и думать нечего. Но я и без службы (видишь ли, что я невольно почитаю службу и жалованье за одно и тоже?)[7] мог бы жить приятию в Одессе и предпочел бы ее всегда всем другим губернским и столичным острогам, потому что есть там солнце и море, два мои божества. Для этого однакоже нужно знать, каково внутреннее содержание этого острога и каков будет присмотр за мною, потому что, если будут караулить там каждый мой шаг, каждое мое дыханье, то мне ни море, ни солнце не помогут, как разве только в том, чтобы от скуки и досады броситься в первое, а чтобы на другое говорить: sacré soleil! Впрочем, если лечение детей пошло бы точно верными шагами к решительному успеху, то нельзя ли было бы оставить там детей на зиму, тебе сюда приехать, а мне тотчас по твоем приезде ехать к ним и дождаться вас всех на весну? Но, разумеется, этот план только тогда сбыточен, когда явно будет, что, вывезя детей из Одессы, подвергаешь их выздоровление новым препятствиям и рискуешь их здоровие. В этом деле более тебе надлежит решить, нежели мне: поездка твоя в Одессу имела целью поправление здоровия детей; следовательно, оно и должно быть главным предметом в наших теперешних планах.

София родила дочь Прасковью. Я крещу у неё с Наденькою за Прасковью Юрьевну. Четвертинсвие все очень огорчены.

---

[7] *Эта оговорка объясняется тем, что вместо слова* службы *сначала было написано слово* жалованья, *которое затем зачеркнуто.*

Уж и от тебя доставались мне иногда хорошие перья, а уж какие теперь у меня! Силы нет писать ими! Обнимаю и благословляю вас всех от души. Дети все еще гуляют, а пора письмо посылать в город.

Кланяйся Пушкину. Что же Байрона? И Дашков пишет ко мне, что он надеется на него. Дашков тебе кланяется.

Ты написала бы князю Василию в Парнас *poste restante:* тебе, кажется, легче и дешевле с ним переписываться.

17.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

[№ 13-й. 10 июля 1824 г.]. Москва.

Твое письмо с Трубецким очень меня было смутило; сегодня два письма, полученные от (ни на одном не выставлено число! когда остепенишься?) – но всетаки после отъезда Трубецкого – меня немного успокоили. Ты надежнее говоришь о здоровии Николеньки, и я тебе верю. Сердце легковерно к хорошему. Я ни- делея с Скюдери и читал ему из твоих писем то, что относится до болезни детей. Вот извлечение из его замечаний. Слушай!

Следует выписка из письма Скюдери медицинского содержании, на французском языке.

Покажи это своим докторам, разумеется, не в виде *наставления,* потому что они обидеться могут, а просто, как известие мое к тебе о разговоре с нашим московским доктором. По всему вижу из слов Трубецкого, что у вас нет ни одного значительного доктора. Но его словам, вижу также, что одесское лето не благоприятно детям, и что именно потому Воронцовы выслали детей своих на июль и август. Свюдери не почитает однакоже одесское лето вредным для детей. Ты все-таки хорошо сделала, что взяла загородный угол. Теперь поговорим о тебе. Я и тобою недоволен. Ты, говорят, очень похудела, моя милая! Сделай милость, побереги и себя. От беспокойствий сердечных по болезни детей не убережешься, я это понимаю, но ты, пожалуй, расстроишь желудок свой и запустишь его; вот этою не позволяю. То, что ты говоришь мне о своих обедах, совсем мне не нравится. Ты сидишь несколько дней, Бог знает на чем, то-есть на г….. изготовленном Василисою, а там бросишься на лакомый обед у Гурьева или другого! Как тут устоять желудку? Сделай милость, думай что и у тебя за плечами, по крайней мере истинно сердцем за плечами, и ты не ошибешься! И тогда оглядывайся на меня, когда ты захочешь предпринять что-нибудь вредного желудку твоему. Вот один шпионский надзор, который хочу иметь и сохранить за тобою! Ты врешь непростительно, когда говоришь мне в письмах, а Трубецкому на словах, что ты опасаешься моей недоверчивости в заботах твоих о детях! Если когда- нибудь дома и вспыхну на тебя за случайное твое легкомыслие, то поверь, что не сомневаюсь теперь в полном твоем исполнении священных обязанностей, тем более священных сердцу твоему, что ты сама их на себя возложила. Всякое отступление твое от строжайшего соблюдения твоей должности, как матери, было бы *преступление,* и, следовательно, не должна ты сомневаться в совершенном моем спокойствии о тебе и детях, разумеется, во всем том, что от тебя зависит. Цалую тебя крепко и нежно. На это и уверен я, что ты меня поняла и мне поверила. Я в городе с понедельника. Дети здоровы, и все идет порядочно. Разумеется, дети много потеряют в рассуждении учения в отсутствии M-lle Goré, которая их хорошо учила, но что же делать? Должно почесть этот промежуток времени за промежуток какой-нибудь болезни, не опасной, но все лишающей их времени! Дело в том, чтобы они остались живы телом и душою, а остальное можно воротить. Кажется, если забудут они что-нибудь по наукам, то не научатся ничему дурному по нравственному отношению. Это главное! Ты удивилась бы моему *либерализму* с ними. Даю им есть по твоему, то-есть всего, что захотят; пускаю гулят почти во всякую погоду, только сносную, – одним словом, тешу во всю мочь! Зато уж надобно видеть, как лице Анны Захаровны тянется в аршин, когда я пускаю Павлушу бегать по двору в теплый дождь или даю ему топтать грязь и замочить себе сапоги и чулки, которые тотчас велю менять. Павлуша так к этому привык, что на днях, ходя со мною по дождю, говорил мне: «Мне дождик мочит голову, да это ничего: ведь головы переменить нельзя». Ты, верно, почтешь за пристрастие

с моей стороны, что я тебе рассказываю одни *острые изречения* Павлуши, да поистине он чудесно забавен и очень оригинален. Тьфу, Боже мой, что за перья? Что за бумага? Все с Трубецким получено исправно и по твоему назначению будет употреблено. А я все тужу о шляпе и тростях, которые твой Бюкна у меня заел. Не может ли княгиня Волконская как-нибудь поймать их на дороге и довезти до меня? Сейчас прочел я твой avis au lecteur в письме к Aimée. Признайся, что ты обо мне думала, подозревая, что прочту твое письмо к ней.

Прости, моя милая! Сейчас иду спать, а завтра припишу что- нибудь в письме, завтра, то-есть сегодня, потому что уже 2 часа утра. Я из Английского клуба! Слышу, как Четвертинский храпит за стеною; а жена его ночует у Софии в Всесвятском. Завтра крестим! В пятницу возвращаюсь в Остафьево, Неужели не заметила ты, что все мои письма под No? Как же говоришь ты мне, *кажется, одно письмо твое пропало?* По No тотчас узнаешь. Ах, ты, безтолковая! – Бедную Софию Обрескову привезли вчера из Арзамаса! Кажется, надежды нет, хотя сегодня худые приметы болезни её немного ослабли! Потому и не мог я взять в образец *лорнетки* её, о которой ты говоришь. Постараюсь однако же прислать с Трубецким, что найдется лучшего. Я, стало, хорошо отгадал назначение ситца! Только платья уже были выкроены до получения письма твоего, и немного отступлено будет от инструкции! твоей. Четвертинский так храпит, что напоминает мне громогласно или *громоносно,* что пора и мне лечь спать. Этот каламбур сообщи Пушкину, если он еще у вас! Эх, он шалун! Мне страх на него досадно, да и не на его одного! Мне кажется, по тому, что пишут мне из Петербурга, что это дело криво там представлено. Грешно тем, которые не уважают дарования даже и в безумном! Дарование все священно, хотя оно и в мутном сосуде! Сообщи и это Пушкину: тут есть ему и мадригал и эпиграмма. Нет, воля твоя, Четвертинский уж и – тут надобно спать идти!

10-го июля, 13-й No.

Здравствуй и прощай, моя милая! Кажется, сегодня должен я получить деньги, но к почте не поспею. Страх досадно! Четвертинские получили письмо от к[нязя] Василия из Вены: он здоров и успел в Вене сделать себе много пользы. Теперь должен он быть в Париже. *Бофреры* за платочки тебя благодарят. Обнимаю и благословляю вас всех, мои милые, от души. Дай Бог сообщать нам друг другу добрые вести о своих драгоценных залогах. Погода у нас поправляется. Пушкину буду отвечать с Трубецким или с M-me d'Angeville, которую прошу пустить в свет, то-есть на сцену. Цалую тебя нежно и крепко.

18.
Князь Н. Г. Волконский и князь П. А. Вяземский княгине В. Ф. Вяземской.

Astafïevo. 13 juillet 1824.

Cherrissime princesse.

Le grand jour d'hier m'a amené dans vos domaines; la fête était superbe, votre mari n'a rien épargné, et les convives dans les pompettes. Votre absence était la seule tristesse, qui ansomln Usait la journée. Quand l'eviendrez-v[ous]? Il en est plus que temps. Vos enfants v[ous] réclament ainsi, que les chevaliers, qui sont prêts à briser des lances pour v[ous]. Adieu, bonne et grande princesse. Comment avez-v[ousj trouvé le docteur…….[8].

Votre féal et sincère.

Никита Волконской.

Приписка князя П. А. Вяземского.

Болконский врет; он приехал пьяный, а у меня не пил. Много было собиралось ко мне быть, но Бог нам дал такую погоду, что если не дети, то я и сам остался бы в городе. Только и было у меня что Соболевский и Волконский, приехавший к вечеру. Целый день был потоп осенний, день холодный! Ты догадываешься, какие пел я молебны во всю дорогу и дома. Детей нашел здоровыми, отдал им твои письма и платья розового ситца, которые привез им из Москвы; они очень обрадовались тому и другому; Машенька до слез была тронута твоими похвалами, но Пашенька не до слез твоими укоризнами. Впрочем, в отсутствии моем все были довольны ею. По нынешней почте Булгаков перешлет тебе объявление для получения из Одесского Коммерческого банка шесть тысяч рублей ассигнациями. Отдай же Пушкину, что следует. Я пробуду здесь дня три, а там вызовут меня в Москву для совершенного окончания дела. Лодомирским я заплатил. Сейчас был у меня Четвертинский и увез Никиту Волконского; и я поеду к ним обедать, но детей не могу взять, потому что дорога совершенно разорена вчерашнею погодою. Прости, моя милая. Обнимаю и благословляю вас от души, мои бесценные. Ожидаю хороших вестей от тебя. Сестры пишут к тебе с Трубецким; думаю, что уже не застану его в Москве. Лорнетка послана с M-me d'Angeville. А моя шляпа знаменитая? А мои трости? А моя булавка? Цалую тебя нежно.

№ 15-й.

На обороте 3-го листа. её Сиятельству Княгине Вяземской, в Одессе, в доме г-жи Давыдовой.

[8] Последнее слово неразобрано.

19.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

Москва. 17 июля [1821 г.J. № 16-й.

Здравствуй, моя милая. Я получил твое письмо от 4-го июля. Не понимаю, отчего ты так неисправно получаешь мои письма. Смешное дело, если их задерживают и перечитывают. Все возможно с глупостию нашего народа. Ты должна видеть по No и числам, что пишу тебе каждую неделю и почта всегда два раза. В последних письмах объяснил я тебе свой образ мыслей касательно наших будущих планов: остаюсь и теперь при нем. Все зависит от здоровия детей, которые с тобою. С здешними управляемся порядочно: они, слава Богу, здоровы, и все идет своим чередом. Я Гейнеманом очень доволен, M-lle Hélène и Caroline также. Одно только, что мало повиновения, особливо же в Пашеньке; но по крайней мере *сцен* не было ни у одной. Отвечай M-lle Goré и пришли мне письмо. Говорят, что она уже из Петерб[урга] выехала. Мне также хочется ей писать; я перед отъездом её послал ей из деревни 1000 рублей без письма, думая еще застать ее в городе, но она выехала до меня. Она писала мне и детям трогательные письма, и я боюсь, чтобы молчание наше не почла она за неудовольствие. Я видел, как она тревожилась молчанием Огаревой. Винюсь перед тобою за укоризны в легкомыслии; но все-таки в письмах твоих были некоторые темные обстоятельства. Разве, может быть, иные из писем пропали. То ли дело с моею аккуратностию, нумерациею и проч.? Я в деревне занят был чтением интереснейшего исторического романа отца и матери: нашел в комоде их любовную переписку, которая объяснила мне историю их любви, доселе мало мне известную. Я приехал сегодня из деревни для окончательного окончания нашего дела: с нынешнего же дня прорвется плотина, и потекут через меня старые грехи. К концу недели, надеюсь, что мое положение пояснится, и тогда поговорим подробнее и обстоятельнее о том, что делать надлежит. Получила ли ты 6000 рублей, письма с мусье Каталашг и с мадамою d'Angeville а при ней лорнетку? Хороша ли она и такая ли, как ты желала? Бедная Обрескова, говорят, осуждена. Мне, страх, как по ней грустно. Обнимаю и благословляю вас трех от души. Пора одеваться и ехать в Коымиссию получать деньги! Для меня это такая коммиссия! Твои письма будут разосланы. То-то уж ты расписалась! Цалую тебя нежно и крепко. Юсупов у твоих ног. Обедаю у Сергея Пет[ровича] Румянцева.

Пушкину поклон. Что его дело? Дядя его выпотел послание к другому племяннику белому арабу. Что говорит он о горячке Кюхельбекера? Я говорю, что это *пивная хмель,* тяжелая, скучная. Добро бы уж взять на шампанском, но нашему, то – бьют искри и брызжет!

20.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

Москва. 20-го [-21-го] июля 1182-1 г.]. № 17-й.

И я могу жаловаться на неисправность почты: последнее письмо твое было от 4-го; в течение 16 дней как бы еще не получить по крайней мере одного письма, когда extra-почта ходит только семь дней? Уж, право, не шалят ли с нашей перепискою! Это было бы забавно. Я опять здесь для окончательного окончания дела и опять буду без решительного конца. У нас всякое дело идет ходом черепахи. Софии Обресковой нет более на свете! Я видел ее третьего дня в гробе, по их не имел духа видеть. Завтра ее хороним! Какой день для меня завтра! По утру похороны женщины, которую я искренно любил; там ехать в Коммисию получать еще задаток денежный, а там обед у Обера с Вьельгорским, Ржевскими и прогулка за город слушать цыганство. А сегодня какой день! Обедал в Петровском у своих Долгоруковых, а теперь отдыхаю в халате и беседую с тобою в ожидании Левушки Давыдова, – прибавить нечего! ты сама знаешь, куда едем! Вот жизнь со всею возвышенностию своею и грязью! И на какой конец все это ведется? Между тем беспокойства о тебе, детях, о нашем будущем; вот сумма моих настоящих впечатлений. И желудок жизни все это переваривает неприметным образом; но спрошу опять: на какой конец? Известно, какое следствие бывает после варения желудка. Но что удобрит этот навоз? Какое поле оплодотворит он? Ты скажешь мне, что я кинулся в г…….. философию, и, зажимая нос себе, захочешь зажать мне рот.

Бедная княгиня Варвара Петровна! Она кажется мне всех более достойною сожаления! Дети малы и выростут без матери; ты знаешь, что я не очень дорожу родительскою необходимостью для пользы детей и почитаю эту необходимость одною мечтою нашего родительского самолюбия. Муж…. Грешно поклепать ближнего, но как ни был он привязан к жене своей. но нее кажется мне, что он не такого сложения душевного, чтобы дать ране глубоко забраться. О сестрах и братьях и говорить нечего. Эта потеря, как ни чувствительна им, а все посторонняя. Для одной матери она коренная, et sa douleur deviendra pour elle l'affaire de sa vie. Читала ли ты *Ourika,* новую, небольшую повесть? На всякий случай, если найду ее здесь в продаже, то пришлю тебе. Она прелестно написана и чрезвычайно трогательна: «J'avais même conservé une sorte de gaîté d'esprit; mais j'avais perdu les joies du coeur».

Сейчас приезжает за мною дьявол-соблазнители Лев Давыдов и влечет от тебя, моя милая, к Красным Воротам, Бог знает куда и черт знает зачем! Но скажу опять то же: вот жизнь!

Приписка Л. В. Давыдова.

Настоящий соблазнитель не *я,* а ваш любезнейший супруг, который еще завтрашний день везет на пикник, где цыганы и медведи будут играть первые роли. Revenez plus vite, chère princesse; votre présence est indispensable pour rétablir l'ordre; je vous prie de vous rappeler quelque fois du plus dévoué et du plus humble de vos serviteurs.

L. Davidoff.

Продолжение письма князя П. А. Вяземского.

21-го, 8 часов утра. Здравствуй, моя милая! Я недолго просидел вчера у Нарышкиной и рано встал, чтобы спешить на печальный обряд. Кстати! Из Петерб[урга] пишут и уверяют, что ваш одесский Пушкин застрелился. Я так уверен в пустоте этого слуха, что он меня нимало не беспокоит, J'espère, que Pouchkine ne sera jamais suicidé, que par une bête. Ты знаешь, что один французский maire писал к префекту, qu'il y avait beaucoup de mauvaises têtes parais les jeunes gens de sa ville et qu'il craignait d'être suicidé par l'un d'entre eux, à, quoi l'autre lui répondit par la phrase, citée plus haut.

Я вчера заезжал к Лодомирскин в Всесвятское. Только третья неделя, что она родила, а уже гуляет но лесам и собирается даже 23-го в Остафьево, чтобы 24-го – Борисов день – провести у Четверти пских. Вьелыорский здесь и очень благодарит тебя за платок; он подзывает меня к себе на 25-е к рождению жены. Может быть, и поеду; они 25 верст от Коломны, а ты помнишь прогулку нашу в Коломню, когда я провожал тебя. Сейчас Гейнеман возвращается в Остафьево; я им очень доволен и другими также, и детьми. Все идет у нас, слава Богу, порядочно. Дай Бог, чтобы также и у вас. Вот 17-й день, что не имею вести об вас, Как это досадно! Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. А шляпа? А трости? А булавка? Цалую тебя тысячи раз. Пора ехать мне на смерть! в девятом часу вынос….

Слава Богу! сейчас два письма от тебя: одно с описанием бури, другое от 7-го. Цалую вас тысячу раз. Мне пора ехать! Буду отвечать из Остафьева обстоятельно. Сделай милость, не ешь много фруктов. Там у вас лихорадочная земля, да и что за охота сидеть с поносом: довольно тебе одного сладострастия блох!

21.
Князь П. А. Вяземский своей жене.

24-го июля [1824 г, [. Москва. № 18.

Вот тебе Ourika! Надеюсь, что ты ее еще не читала. Сейчас еду в Остафьево; хотел ехать вчера, но ужасная гроза помешала. Буду обедать с детьми у Четвертинских именинников. Мое дело кончено, и деньги получены: третьего дня и вчера расплачивался. К понедельник возвращусь сюда за тем же. Как больно было видеть Обрескова на похоронах жены! Он точно вне себя, но грусть его немая и неподвижная! Он точно обнят страданьем. Княгини Щербатовой я не видал; она чрезвычайно огорчена, но печаль её кроткая и христианская. Бедная Обрескова, сказывают, умерла с большим духом, сама читала вслух свои отходные молитвы.

Сейчас приносят мне твои строки от 14-го июля. Что же дети все еще мало поправляются в здоровий? Так ли их лечат? Хорош ли для них климат? Кажется, одно *видимое улучшение здоровия их* могло бы решить нас переселиться в Одессу; а если успеха не будет, то к чему же вся эта возня? Я могу еще, впрочем, и в конце августа привезти тебе детей и возвратиться сюда для устройства дел своих. Как ты полагаешь, лучше ли мне *привезти и уехать,* или тебе, оставя детей больных в Одессе, за моими приехать и возвратиться с ними, а меня здесь оставить месяца на два или три, чтобы съездить в Кострому и дела свои там учредить, чтобы они могли идти без меня год своим чередом? Но главное дело взвесить точно потребность пребывании одесского для Николеньки и Наденьки! Ибо, если эта потребность не существенна, то все-таки скажу одно: к чему эта вся возня? Пережуй, перевари все это и дай мне ответ.

Обнимаю и благословляю вас, моих милых, от души. Пушкину кланяюсь. Что его дело? Авось обоймется! А здесь все еще говорят, что он застрелился, и Тургенев то же пишет мне из Петербурга. Цалую тебя нежно.

К Бьельгорским в деревню не еду. Заметила ли ты, что я нумерую свои письма, и догадалась ли ты, что ты по No можешь видеть, исправно ли доходят до тебя все мои письма?

22.
Князь П. А. Вяземский своей жене. Осгафьево, 37-го июля [1824 г.]. № 19-й. Видишь ли??????

Если имеешь сердечное убеждение, что одесское пребывание полезно для Николеньки и Наденьки, и доктора обещают совершенное выздоровление, и если эти доктора имеют твою доверенность и заслуживают ее; если точно можешь без страха и *с* спокойным духом оставить детей на попечение доктора или кого другого; если ты совершенно здорова и предпочитаешь – взвеся все с благоразумием – хлопоты дороги и тяжкую разлуку с больными детьми, которые все, как ни говори, а останутся на волю Божию, беспокойствию о здешних детях: то вели себе готовить лошадей и приезжай. Я совершенно отдаю все и себя на твою волю. Ты скорее соберешься моего, а время не терпит. В таком случае, отправив вас в Одессу, остался бы я месяца на два, три или сколько потребуется, для устройства дел, поездки в Кострому, где мое пребывание необходимо, а там соединился бы с вами. Раздумай все хорошенько! На тебя возлагаю всю ответственность этого предприятия; на мою ответственность надает одно, – что я дал тебе полномочие и carte blanche. Между тем этот страх не должен тебя связывать, а только более утвердит твое внимание и заставить прилежнее выложить все итоги выгод и невыгод. Я в этом случае совершенно беспристрастен. Вижу одно, что дочерям нельзя долго оставаться без тебя или кого-нибудь, тебя заменяющей по доверенности нашей к ней. Остается два средства: или тебе возвратиться с детьми, если Одесса не обещает существенной пользы больным детям, или забрать в Одессу и остальных, если дальнейшее пребывание там может довершить то, что уже начато в пользу наших больных и пропадет даром, если перервем хорошее начало. Во втором случае есть два способа: тебе ли воротиться за детьми или мне привезти их и возвратиться потом в Москву для окончания своих дел? Раздумавши хорошенько, и это оставляю на твою волю, разумеется, с предположением, что ты волю свою покорить также пользе и решишься не прежде, как все разочтешь основательно. Кажется, вот все, что можно и должно было сказать по этому делу. Теперь вот тебе мое благословение, поцалуй и подпись. Доверенность скреплена по порядку. Входи в переговоры с рассудком, сердцем, судьбою, карманом, – и я ожидаю твое решение или личное, или письменное в конце августа!

Дети, слава Богу, здоровы, и все идет порядочно. 24-го ночевали мы у Четвертинских, и ожидали их сегодня к себе так же, как и кое-кого из Москвы; но мы с Богом в удивительной контре. Дни стояли прекрасные; сегодня опять, как нарочно, да и верно нарочно, ветер и дождь осенние, так что честному человеку нельзя высунуть носа на двор. Что за лето? Вообрази, что еще не успели справиться с сенокосом, О дорогах и говорить нечего. Il faudrait blasphémer, et Dieu m'en préserve!

Я все эти дни ждал твоих Волконских и уверен, что они приедут, когда буду в городе. Третьего дни собирался я в Сухауово, да и не собрался. Старик Волконский умер, отец кн[ягини] Софии. – Какой *Canaris* сжег турецкий флот? Уж не твой ли это крестник? Есть у греков известный *Bozzaris,* а о том я и не слыхивал. Петруше лучше, т.-е. он гораздо чище в лице, а здоров-то был и прежде, и становится смешен, однакоже все еще не попал в мои фавориты. Павлуша глупеет от женского воспитания и принимает бабьи ухватки. Если ты приедешь за детьми, то я хотел бы оставить его при себе, pour me l'appeler de temps en temps, que je suis marié et père de famille, но кто же будет за ним ходить? Я поляка отпустил и беру Михея. Впрочем, там увидим! Сослужит ли четвероместная карета еще два похода? Вот и эта статья должна входить в расчеты; ибо если покупать карету, то надобно купить хорошую, – менее 4 или 5.000 не заплатишь. Говорят, что зима в Одессе несносная, а может быть,

и нездоровая. А в Крыму где лучше провести зиму, т.-е. для погоды? Отбери все это! Вот тебе письма и 500 рублей от Полуектовой. Ведь ближайшая дорога из Одессы в Москву не через Киев! Разве по этому тракту тебе более удобностей, знакомств, и тогда на времени выгадаешь излишество дороги. Если Пушкину есть возможность оставаться в Одессе, то пусть остается он для меня, чтобы провести несколько месяцев вместе. Мы создали бы что-нибудь! А если он застрелился, то надеюсь, что мне завещал все свои бумаги. Если и вперед застрелится, то прошу его именно так сделать. Бумаги мне, а барыш, – кому он назначит. Вот так! Теперь умирай он себе, сколько хочет. Я ему не помеха! Если у вас что получено о смерти Бейрона, на каком бы то языке ни было, пришли мне все. Кажется, первое число крестим у Лодомирских. Он у нас был, а она нет, да и хорошо! Ей не минуло еще четырех недель. Вообрази, что Ив. Ник. у них еще не был с родин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.